

УДК 94(47).083

Чувардин Г.С., доктор исторических наук, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия)

Гончарова И.В., доктор исторических наук, Государственный университет управления (Россия)

ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ КАК ЭЛИТООБРАЗУЮЩАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена анализу императорской гвардии Российской империи во второй половине XIX – начале XX века как элитообразующей структуры, встроенной в систему государственной власти. В центре исследования находится не только военная организация гвардии, но и её институциональные параметры, обеспечивавшие воспроизводство военно-политической элиты. На основе архивных материалов (аттестационные списки, дисциплинарные журналы, служебная переписка) и мемуарных источников реконструируются механизмы селекции, оценки и продвижения офицеров, а также выявляется специфика корпоративной солидарности и внутреннего саморегулирования гвардейской среды. Показано, что гвардия сочетала формализованные процедуры служебной аттестации с устойчивыми неформальными практиками, что позволяло поддерживать элитный статус корпуса при наличии дисциплинарных отклонений. Особое внимание уделено функции гвардии как социального лифта, обеспечивавшего кадровое воспроизводство управленческого ядра империи и выступавшего фактором стабилизации политического режима в условиях нарастания внутренних и внешних вызовов. Сделан вывод о том, что императорская гвардия представляла собой системообразующий элемент позднеимперской государственности, соединявший военную службу, социальный престиж и доступ к властным ресурсам. Результаты статьи важны для дальнейших исследований политической роли элитных военных структур в системе государственной власти, особенно в период внешнеполитических вызовов и внутрисистемных проблем.

Ключевые слова: императорская гвардия, Российская империя, военно-политическая элита, офицерский корпус, социальный лифт, корпоративная солидарность, система аттестации, политическая стабильность.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-01-86-96

Введение. В условиях усложнения международной обстановки и трансформации сложившихся моделей миропорядка актуализируется интерес к историческому опыту функционирования элитарных военных структур, выступавших опорными элементами государственной власти. В разные исторические эпохи подобные структуры выполняли не только сугубо военные задачи, но и играли роль устойчивых механизмов политической стабилизации, социального отбора и воспроизводства правящих элит. Обращение к этому опыту позволяет выявить закономерности взаимодействия военной организации и власти в ситуациях системной напряжённости, когда возрастает значение институтов, способных обеспечивать

управляемость, лояльность и преемственность властных практик.

В этом контексте исследование императорской гвардии Российской империи представляет особый интерес как пример элитарной военной корпорации, длительное время сохранявшей функцию несущей конструкции политического режима. Речь идёт не о заимствовании или прямой трансляции исторических моделей в современные условия, а о научном анализе исторических аналогов структур, выполнявших роль своеобразного «лифта во власть», структур, соединявших военную службу, социальное продвижение и включённость в систему принятия решений. Императорская гвардия во второй половине XIX – начале XX века выступала

именно таким институтом, аккумулировавшим кадровые, символические и социальные ресурсы государства и обеспечивавшим воспроизводство военно-политической элиты в период нарастающих внутренних и внешних вызовов.

Изучение императорской гвардии Российской империи традиционно привлекало внимание исследователей прежде всего как сложный конгломерат сюжетов военной, политической и институциональной истории. В дореволюционной историографии гвардия рассматривалась, главным образом, сквозь призму её боевых заслуг, придворного статуса и особого положения в системе вооружённых сил [15; 13], что закрепилось и в корпусе полковых историй, использовавшихся в том числе и как источниковая база [16; 14; 12]. В советский период интерес к данной проблематике был существенно редуцирован, а интерпретации гвардии зачастую носили идеологизированный характер, сводя её роль к инструменту охраны самодержавного строя [11].

В современной отечественной историографии наметился устойчивый поворот к более комплексному анализу гвардии как особого социального и институционального явления. Существенный вклад в развитие данного направления внесли работы С. В. Андрияйна. В его монографии 2020 г. реконструируется эволюция российской императорской гвардии от конца XVII до середины XIX века, прослеживаются этапы её институционального становления, а также выявляются связи и взаимовлияние русской гвардии и европейских подразделений аналогичного назначения [1]. Отдельного внимания заслуживает его работа, посвящённая механизмам возникновения и формирования гвардейских частей в российской императорской армии, где гвардия рассматривается как результат сложного взаимодействия военно-политических, социально-культурных и управленческих факторов [2].

Ряд исследований последних лет фокусируется на проблемах презентации гвардейских заслуг. Анализируя корпус полковых историй, П. В. Чернов, показывает, что нарратив о «боевой исключительности» гвардии зачастую формировался независимо от реального боевого опыта частей, практически не принимавших участия в военных кампаниях второй половины XIX – начала XX вв. [19]. В свою очередь, в работах Г. С. Чувардина гвардия выступает как ключевая среда воспроизводства норм элитного поведения, ценностей и представлений о служебной и корпоративной идентичности [20; 21].

В зарубежной историографии проблемы элитных военных корпораций и гвардейских формирований рассматриваются преимущественно на материале британской и европейских армий. В работах Дж. Чайлдса, Д. Стоуна и М. Ховарда подчёркивается роль гвардейских и элитных частей как инструмента поддержания монархической власти, среды формирования офицерских корпусов и носителя устойчивых традиций военной и политической лояльности [22; 23; 24]. При этом российская императорская гвардия, как правило, упоминается эпизодически.

Таким образом, несмотря на наличие значительного массива работ, посвящённых истории императорской гвардии, её рассмотрение как особой среды формирования военно-политической элиты во второй половине XIX – начале XX века по-прежнему остается недостаточно разработанным.

Цель исследования заключается в выявлении роли императорской гвардии как элитобразующей структуры Российской империи во второй половине XIX – начале XX века, а также в анализе механизмов её функционирования как института воспроизводства военно-политической элиты и стабилизации существующего политического режима в условиях усложнения внешнеполитической обстановки и внутренних трансформационных процессов.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что императорская гвардия в рассматриваемый период являлась не просто привилегированной частью вооружённых сил, а особой корпоративной средой, выполнявшей функции социального лифта и кадрового резерва власти. Предполагается, что именно сочетание военной службы, устойчивых полковых традиций, механизмов селекции и неформальных практик внутри гвардейских частей обеспечивало воспроизводство военно-политической элиты и формирование устойчивых моделей лояльности, что позволяло императорской гвардии сохранять статус одной из ключевых опор государственной власти вплоть до начала Первой мировой войны.

Объекты и методы исследования.

Объектом исследования выступает императорская гвардия Российской империи как особый военный и социально-политический институт второй половины XIX – начала XX века.

Предмет исследования составляют механизмы формирования и функционирования императорской гвардии в качестве элитобразующей структуры, включая особенности офицерского корпуса, корпоративные и дисциплинарные практики, системы аттестации и поощрений, а также неформальные нормы и традиции, обеспечивавшие воспроизводство военно-политической элиты и устойчивых моделей лояльности.

Источниковую базу исследования образуют материалы центральных российских архивов (РГВИА, ГАРФ, РГИА), которые содержат аттестационные списки офицеров гвардейских частей, рапорты командиров соединений, штрафные и дисциплинарные журналы, служебную переписку, а также нормативные документы военного ведомства. Существенное место занимают мемуарные источники — воспоминания представителей высшего офицерства, придворных и государственных деятелей. Вспомогательную роль играют

полковые истории и справочные издания.

Методологической основой исследования является комплексный междисциплинарный подход, сочетающий методы социальной и институциональной истории, историко-антропологического анализа и элементы сравнительно-исторического метода. Источниковедческий анализ позволил выявить степень нормативности и формализованности гвардейских практик, а также реконструировать реальные механизмы кадрового отбора и продвижения. Использование компаративного анализа даёт возможность сопоставить декларируемые идеалы службы и корпоративные представления с зафиксированными в источниках практиками дисциплинарного контроля и служебной оценки.

Результаты и их обсуждение. К концу XIX – началу XX века российская императорская гвардия перестала быть уникальным феноменом в европейском военном пространстве. Гвардейские формирования продолжали существовать в крупнейших монархиях Европы — Британской, Германской и Австро-Венгерской империях, — однако их функциональное значение заметно трансформировалось. В большинстве случаев гвардия воспринималась как реликт военной традиции, все более утрачивавший самостоятельное институциональное содержание и превращавшийся в преимущественно церемониальный элемент армии. Так, в Германской империи, по наблюдению В. Гёрлица, гвардия уже в 1870-е гг. рассматривалась как «анахронизм», подлежащий уравниванию с регулярными армейскими частями, что сопровождалось ростом роли профессионального офицерства и снижением значения сословного фактора [10, с.55].

На этом фоне российская императорская гвардия, в отличие от западноевропейских аналогов, оставалась наиболее многочисленной и структурно значимой элитарной частью вооружённых сил, аккумулируя не только военный, но и социально-политический ресурс. В период

правления Александра III – Николая II основной массив гвардейских частей и подразделений был сосредоточен в пределах Санкт-Петербургского военного округа и находился в подчинении командующего округом, совмещавшего функции командующего войсками гвардии и фактического военного генерал-губернатора столицы (приказ Военного министерства № 228 от 10.08.1864 г.) [3] Такая конфигурация превращала гвардию в несущую конструкцию режима, непосредственно связанную с центром политической власти.

Институциональное оформление гвардии усиливалось её включённостью в процессы военного реформирования. При Гвардейском корпусе действовали специальные структуры (Комиссия для улучшения по воинской части; позднее — Специальный комитет по устройству и образованию войск), занимавшиеся разработкой и апробацией нововведений в области организации, снабжения и управления войсками, что позволяло рассматривать гвардию как своеобразный «полигон реформ» [15]. Гвардия выполняла двойственную функцию: с одной стороны, она сохраняла традиционные формы элитной военной службы, с другой — служила инструментом управляемой модернизации армии.

Количественные параметры гвардии подчёркивали её исключительное положение. К 1881 г., согласно «Ведомости о численности войск гвардии 1881 г.», в Гвардейском корпусе находилось свыше 32 тыс. человек, включая более 1,2 тыс. обер-офицеров, что свидетельствовало о значительном сверхкомплекте командного состава [9, л.2-3].

К 1910–1911 гг. корпус насчитывал уже около 37,5 тыс. человек, при этом доля гвардейских офицеров в составе Санкт-Петербургского военного округа достигала 27 %, а доля гвардейского генералитета — около 30 % [5, с.4-5].

Структурная неоднородность гвардии при этом не отменяла её элитарного характера, а, напротив, усиливала его.

Внутри корпуса существовала собственная иерархия престижности, выделявшая «старую» столичную гвардию и менее привилегированные части, дислоцированные, в частности, в Варшаве [4]. Подобная внутренняя стратификация формировала различные карьерные траектории, превращая гвардию в многоуровневый социальный лифт, где близость к Престолу и принадлежность к «полковым династиям» существенно ускоряли служебное продвижение

В этом отношении российская императорская гвардия соотносится с выводами Дж. Чайлдса и М. Ховарда, рассматривающих элитные военные корпорации как устойчивые элементы монархической власти [22; 23]. Однако в отличие от западноевропейских моделей, где гвардия к рубежу XIX–XX вв. утратила самостоятельное институциональное значение, в Российской империи она вплоть до Первой мировой войны сохраняла функции ключевого элитаобразующего института.

При этом ключевые элитаобразующей функции были у офицерского корпуса императорской гвардии. Именно через механизмы отбора, служебной оценки и продвижения формировалась та часть военной элиты, которая в дальнейшем занимала значимые позиции в системе военного и военно-политического управления. Формально гвардейский офицерский корпус воспринимался как «образцовый», что находило отражение как в официальных документах, так и в корпусе аттестационных материалов [8, л.1-4].

Аттестационные списки офицеров 1-й гвардейской пехотной дивизии 1870–1871 гг., составленные генералом А. Н. Дрентельным, позволяют реконструировать нормативный идеал «типичного» гвардейского офицера [7]. В числе наиболее часто фиксируемых положительных характеристик фигурировали «образованность», «способности», «исполнительность», «усердие», «распорядительность», а также такие моральные качества, как

«честность», «тактичность» и «высокая нравственность» [8, л.4]. Мы видим, что служебная оценка выходит за рамки сугубо профессиональных показателей и включает элементы морально-поведенческого контроля, направленного на воспроизводство корпоративных норм.

При этом анализ аттестационных материалов показывает высокий уровень формализации процедуры служебной оценки. Большинство характеристик носило стандартизированный характер и отличалось лишь вариациями эпитетов, что свидетельствует о стремлении сохранить внешнюю однородность корпуса и минимизировать фиксацию внутренних проблем [8]. Подобная практика, с одной стороны, способствовала консервации элитного статуса гвардейского офицерства, с другой — сглаживала реальные различия в уровне подготовки и профессиональной пригодности.

Сопоставление аттестаций 1870-х гг. с аттестацией г.-майора В.П. Глазова рубежа XIX–XX вв., составленными в гвардейских частях л.-гв. Московского полка, показывает сохранение базового набора оценочных критериев при включении дополнительных параметров, таких как возраст и состояние здоровья [18, л.6]. Это свидетельствует о постепенном институциональном усложнении системы отбора, но в то же время гвардейский офицер оценивался, в первую очередь, как носитель корпоративных и моральных качеств, обеспечивающих устойчивость внутреннего порядка.

Эмпирические данные, зафиксированные в дисциплинарных и штрафных журналах, позволяют выявить расхождение между нормативным образом и реальными практиками. «Алфавитный журнал штаб- и обер-офицеров и чиновников л.-гв. Конного полка, получивших взыскания с 1905 по 1912 гг.» фиксирует значительное число дисциплинарных нарушений, включая выговоры, аресты и служебные взыскания в отношении офицеров, что указывает на наличие устойчивых де-

виаций внутри элитной среды [17]. Однако характер этих нарушений, как правило, не затрагивал фундаментальных оснований службы и редко становился препятствием для дальнейшей карьеры.

Подобное сочетание формализованной оценки, корпоративной солидарности и ограниченного дисциплинарного контроля позволяет рассматривать гвардейский офицерский корпус как относительно замкнутую элитную группу. В этом отношении российская практика соотносится с выводами Дж. Чайлдса [22], отмечавшего склонность элитных военных корпораций к воспроизводству собственной социальной замкнутости. В интерпретации Д. Стоуна подобные механизмы выступают не аномалией, а системным элементом функционирования военной элиты в условиях отсутствия масштабного боевого опыта [24].

Таким образом, офицерский корпус императорской гвардии представлял собой не только профессиональную, но и социально-корпоративную структуру, в рамках которой механизмы селекции и аттестации обеспечивали воспроизводство элитного статуса, даже при наличии внутренних противоречий и девиаций. Именно эта особенность делала гвардию устойчивым кадровым резервом военно-политической элиты Российской империи на рубеже XIX–XX веков.

Несмотря на закреплённый в официальном дискурсе образ императорской гвардии как «образцового» войска, эмпирический материал свидетельствует о наличии устойчивых дисциплинарных и поведенческих отклонений, характерных не только для гвардии, но и для российской армии в целом. Принципиальное отличие гвардейской среды в специфике их институционального «поглощения» и минимизации публичных последствий. Внутренние эксцессы в гвардии, как правило, не выносились за пределы корпорации и редко становились предметом внеш-

него вмешательства, что позволяет говорить о существовании своеобразного «порога допустимости» девиаций в гвардейской среде, при превышении которого следовали санкции, но не исключение из элитного корпуса.

Сравнение с более ранним периодом подчёркивает трансформацию характера дисциплинарных нарушений. Так, в «Штрафном журнале гг. офицерам Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка за 1853 г.» преобладают взыскания, связанные с «незнанием службы» и ошибками в строевой подготовке, причём наказания налагались независимо от сословного или придворного статуса офицера. Показателен случай ареста на одни сутки прикомандированного полковника князя П. Р. Багратиона «за сделанные на бывшем того числа ученье в Высочайшем присутствии ошибки во фронте» [6]. Самому же строгому взысканию — аресту на две недели — подвергся прапорщик М. Г. Лерх-П «за то, что... сам объявил, что вступать не умеет» [6]. Данные факты свидетельствуют о жёсткой ориентации дисциплинарной системы николаевской эпохи на строевую и служебную безупречность.

К началу XX века спектр девиантных практик в гвардии заметно расширился. В дисциплинарных документах фиксируются не только служебные проступки, но и формы поведения, затрагивающие нравственные и социальные аспекты офицерской жизни. Одновременно сохранялась тенденция к внутреннему разрешению конфликтов, что особенно отчётливо проявляется в делах, связанных с неуставными отношениями. Так, письмо унтер-офицера И. В. Васильева о притеснениях ротного командира л.-гв. Московского полка капитана Бобровского содержит эмоционально насыщенное свидетельство о практике рукоприкладства и унижения личного достоинства нижних чинов: «...начал особенно в последнее время чрезвычайно жестоко обращаться с нами, называть каждого из нас

арестантами, идиотами... Во время проверки солдат строевому занятию позволяет себе бить по рукам, толкать и рвать за уши...» [18, л.4]. Подписанное 79 нижними чинами, большинство из которых были неграмотны, письмо подчёркивает глубину конфликта между нормативным образом гвардейской службы и реальной повседневной практикой.

Вместе с тем даже подобные эпизоды редко приводили к системным изменениям внутри корпуса. Гвардия сохраняла высокий уровень корпоративной солидарности, близкий к форме «полкового братства», при котором защита «своих» рассматривалась как норма. Подобная замкнутость элитной среды, с одной стороны, способствовала воспроизводству устойчивых служебных и поведенческих стандартов, с другой — порождала эффект «круговой поруки», сглаживавший последствия внутренних кризисов.

Таким образом, дисциплинарные девиации в императорской гвардии не свидетельствуют о её институциональном разложении. Напротив, они выявляют специфику функционирования элитной военной корпорации, в которой формальные нормы, неформальные практики и корпоративная солидарность образовывали сложный механизм внутреннего саморегулирования. Именно этот механизм позволял гвардии сохранять статус элитобразующей структуры и оставаться одной из опор существующего политического режима вплоть до начала системных потрясений XX века.

Одним из ключевых результатов анализа императорской гвардии является выявление её функции в качестве устойчивого социального лифта, соединявшего военную службу с возможностями служебного и статусного продвижения. В рассматриваемый период принадлежность к гвардейским частям рассматривалась не только как знак профессионального признания, но и как форма институционального доступа к властным и административным ресурсам.

Гвардейская служба обеспечивала ускоренные карьерные траектории, формируя кадровую среду, из которой рекрутировались будущие командиры соединений, начальники штабов и представители высшего военного управления.

Источники позволяют говорить о том, что гвардия выполняла функцию своеобразного «кадрового фильтра», обеспечивавшего отбор офицеров, соответствующих не только профессиональным, но и социально-поведенческим критериям. В служебных характеристиках неоднократно подчёркивалось, что гвардейский офицер должен обладать «умением держать себя», «тактом», «чувством служебной меры» и «представительностью», что прямо связывало военную службу с требованиями публичного и придворного поведения [8]. Тем самым гвардия формировала особый тип офицерской элиты, ориентированной на участие в управлении и репрезентации власти.

Особую роль гвардия играла в периоды внутривластной нестабильности. События революции 1905–1907 гг. продемонстрировали, что именно гвардейские части рассматривались высшим военным и государственным руководством как наиболее надёжная опора порядка. Концентрация гвардейских соединений в столичном регионе, их подчинение командующему Санкт-Петербургским военным округом и тесная связь с императорским двором усиливали их значение как инструмента политического контроля. В этом смысле гвардия выступала не только военной, но и политико-административной структурой, встроенной в механизм стабилизации режима.

Таким образом, императорская гвардия во второй половине XIX – начале XX века выступала не только как привилегированная часть вооружённых сил, но и как важнейший механизм воспроизводства военно-политической элиты и стабилизации политического режима. Соединяя воен-

ную службу, социальный престиж и доступ к властным ресурсам, гвардия обеспечивала воспроизводство управленческого ядра империи в условиях нарастания внутренних и внешних вызовов.

Заключение. Проведённое исследование позволяет рассмотреть императорскую гвардию Российской империи во второй половине XIX – начале XX века не только как привилегированную часть вооружённых сил, но и как устойчивую элитобразующую структуру, встроенную в систему государственной власти. Анализ институциональных параметров гвардии показал, что она выступала системообразующим элементом политического порядка, концентрируя военные, социальные и символические ресурсы и обеспечивая непосредственную связь армии с центром власти.

Исследование офицерского корпуса гвардии выявило высокую степень формализации механизмов селекции и аттестации, направленных на воспроизводство элитного статуса и корпоративных норм. При этом расхождение между нормативным образом «образцового» гвардейского офицера и реальными служебными практиками не подрывало устойчивости корпуса, а компенсировалось действием механизмов корпоративной солидарности и внутреннего саморегулирования. Анализ дисциплинарных и штрафных материалов позволяет сделать вывод о том, что девиации в гвардейской среде являлись не признаком институционального кризиса, а структурным элементом функционирования элитной военной корпорации.

Особое значение имеет выявленная функция императорской гвардии как социального лифта, обеспечивавшего ускоренное служебное и статусное продвижение офицеров и формирование кадрового резерва военно-политической элиты. В условиях внутривластной нестабильности начала XX века гвардия выступала одним из ключевых факторов стабилизации режима, соединяя военную силу,

управленческий потенциал и символический авторитет власти.

Вклад автора заключается в комплексном осмыслении императорской гвардии как элитообразующего института Российской империи. Полученные результаты расширяют представления о со-

циально-политической роли элитных военных структур в истории России и создают основу для дальнейших исследований, ориентированных на сравнительный анализ гвардейских корпораций в европейских монархиях и их места в механизмах власти и элитного воспроизводства.

Список литературы

1. Андрияйнен, С. В. Российская императорская гвардия в конце XVII — первой половине XIX в.: основные вехи истории. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экон. ун-та, 2020. — 314 с. — EDN: ZSLOKR.
2. Андрияйнен, С. В. Механизмы возникновения и формирования гвардейских частей в Российской императорской армии // Genesis: исторические исследования. — 2023. — № 8. — С. 1–14. — DOI: 10.25136/2409-868X.2023.8.38586.
3. Безугольный, А. Ю., Ковалевский, Н. Ф., Ковалев, В. Е. История военно-окружной системы в России. URL:https://www.universalinternetlibrary.ru/book/69913/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 16.01.2026).
4. Белосельский-Белозерский, С. С., кн. История л.-гв. Конного полка. Т. 3. — Париж, Изд. Белосельский-Белозерский. 1961. — 32с.
5. Военно-статистический ежегодник армии за 1910–1911 гг. / изд. Гл. штаба. — СПб.: Гл. штаб, 1911–1913. — 25 с.
6. ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 80.
7. ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 69.
8. ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 70.
9. ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 113.
10. Герлиц, В. Германский Генеральный штаб = The German General Staff: история и структура, 1657–1945 / В. Герлиц ; пер. с англ. С. В. Лисогорского. — М.: Центрполиграф, 2005. — 476с.
11. Зайончковский, А. М. Подготовка России к мировой войне: очерки военной подготовки и первоначальных планов (по архивным документам). — М.: Гос. воен. изд-во, 1926. — 425с.
12. Из прошлого. Исторические материалы Лейб-Гвардии Семёновского полка. — URL: https://lgsp.petrobrigada.ru/Iz_proshlogo/iz_proshlogo_index.html (дата обращения: 3.02.2026).
13. Императорская Российская гвардия. 1700–1878. Хронологические таблицы / сост. г.-л. барон В. Штейнгель. — СПб.: типография Канцелярии С.-П.-Б. градоначальника, 1878. — 317 с.
14. Марченко, М. К. Краткий очерк истории Лейб-гвардии Конного полка для нижних чинов полка / сост. корнет М. К. Марченко. — [СПб., 1891]. — 16 с.
15. Милютин, Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. — М.: Российский фонд культуры, 1999. — 558 с.
16. Потоцкий, П. История Гвардейской артиллерии. 1796–1896 гг. — СПб. Типография В.С. Балашева и К°, 1896. — 424 с.
17. РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3245.
18. РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Ед. хр. 58. (Фонд Глазова).
19. Чернов, П. В. Проблемы самопрезентации Российской императорской гвардии в полковых историях // Новый исторический вестник. — 2025. — № 4 (86). — С. 78–90.

— URL: <https://ninvestnik.su/index.php/journal/article/view/91> (дата обращения: 20.01.2026).

20. Чувардин, Г. С. Механизмы изучения системы и содержания брачных отношений российского гвардейского генералитета рубежа XIX–XX веков (на примере л.-гв. Семёновского полка): постановка проблемы // Учёные записки Орловского государственного университета. — 2025. — № 1 (106). — С. 105–111. — DOI: 10.33979/1998-272020251061105110.

21. Чувардин, Г. С. Особенности повседневной жизни российской и германской военных элит в конце XIX – начале XX века: сравнительный анализ // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. — 2025. — Т. 30, № 2. — С. 479–492. — DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-2-479-492.

22. Childs, J. The Army of Charles II. URL: <https://archive.org/details/armyofcharlesii0000chil/page/6/mode/2up> (дата обращения: 14.01.2026).

23. Howard, M. War in European History. URL: <https://archive.org/details/warineuropeanhis0000howa> (дата обращения: 15.01.2026).

24. Stone, D. R. A Military History of Russia: From Ivan the Terrible to the War in Chechnya. URL: <https://archive.org/details/militaryhistoryo0000ston> (дата обращения: 15.01.2026).

THE IMPERIAL GUARD AS AN ELITE-FORMING STRUCTURE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES

The article analyzes the Imperial Guard of the Russian Empire in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries as an elite-forming structure embedded in the system of state power. The study focuses not only on the military organization of the Guard, but also on its institutional parameters that ensured the reproduction of the military-political elite. Drawing on archival materials (attestation records, disciplinary registers, official correspondence) and memoir sources, the paper reconstructs the mechanisms of selection, evaluation, and promotion of officers, and identifies the specific features of corporate solidarity and internal self-regulation within the Guards milieu. The study demonstrates that the Guard combined formalized procedures of service evaluation with stable informal practices, which allowed it to maintain its elite status despite the presence of disciplinary deviations. Particular attention is paid to the Guard's function as a social elevator, facilitating the кадровое reproduction of the Empire's governing core and acting as a factor of political stabilization amid growing internal and external challenges. The article concludes that the Imperial Guard constituted a system-forming element of late imperial statehood, integrating military service, social prestige, and access to power resources. The findings contribute to further research on the political role of elite military structures within systems of state authority, especially in periods marked by foreign policy challenges and domestic instability.

Keywords: *imperial Guard, Russian Empire, military-political elite, officer corps, social mobility mechanism, corporate solidarity, attestation system, political stability*

References

1. Andriainen S.V. (2020) Rossiiskaya imperatorskaya gvardiya v kontse XVII — pervoi polovine XIX v.: osnovnye vekhi istorii [The Russian Imperial Guard in the Late Seventeenth – First Half of the Nineteenth Century: Major Milestones of Its History]. SPb.: Izdvo Sankt-Peterburgskogo gos. ekon. universiteta. 314 s.

2. Andriainen S.V. (2023) Mekhanizmy vzniknoveniya i formirovaniya gvardeiskikh chastei v Rossiiskoi imperatorskoi armii [Mechanisms of the Emergence and Formation of Guard Units in the Russian Imperial Army]. Genesis: istoricheskie issledovaniya. N 8. S. 1–14. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.8.38586.

3. Bezugolnyi A.Yu., Kovalevskii N.F., Kovalev V.E. (n.d.) Istoriya voenno-okruzhnoi sistemy v Rossii [History of the Military District System in Russia]. URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/69913/chitat_knigu.shtml (accessed: 16.01.2026)

4. Beloselskii-Belozerskii S.S. (1961) *Istoriya l.-gv. Konnogo polka*. T. 3 [History of the Life Guards Cavalry Regiment. Vol. 3]. Parizh: Izd. Beloselskii-Belozerskii. 32 s.
5. *Voenno-statisticheskii ezhegodnik armii za 1910–1911 gg.* (1911) [Military Statistical Yearbook of the Army for 1910–1911]. SPb.: Gl. shtab. 25 s.
6. GARF (n.d.) F. 646. Op. 1. D. 80.
7. GARF (n.d.) F. 652. Op. 1. D. 69.
8. GARF (n.d.) F. 652. Op. 1. D. 70.
9. GARF (n.d.) F. 652. Op. 1. D. 113.
10. Gerlits V. (2005) *Germanskii Generalnyi shtab: istoriya i struktura 1657–1945* [The German General Staff: History and Structure 1657–1945]. M.: Tsentrpoligraf. 476 s.
11. Zaionchkovskii A.M. (1926) *Podgotovka Rossii k mirovoi voine: ocherki voennoi podgotovki i pervonachalnykh planov (po arkhivnym dokumentam)* [Russia's Preparation for the World War: Essays on Military Preparation and Initial Plans Based on Archival Documents]. M.: Gos. voen. izd-vo. 425 s.
12. *Iz proshlogo. Istoricheskie materialy Leib-Gvardii Semenovskogo polka* (n.d.) [From the Past. Historical Materials of the Life Guards Semenovsky Regiment]. URL: https://lgsp.petrobrigada.ru/Iz_proshlogo/iz_proshlogo_index.html (accessed: 03.02.2026)
13. *Imperatorskaya Rossiiskaya gvardiya. 1700–1878. Khronologicheskie tablitsy* (1878) [The Imperial Russian Guard. 1700–1878. Chronological Tables]. SPb.: tipografiya Kantselyarii S.-P.-B. gradonachalnika. 317 s.
14. Marchenko M.K. (1891) *Kratkii ocherk istorii Leib-gvardii Konnogo polka dlya nizhnikh chinov polka* [A Brief Outline of the History of the Life Guards Cavalry Regiment for the Lower Ranks]. SPb. 16 s.
15. Milyutin D.A. (1999) *Vospominaniya general-feldmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1860–1862* [Memoirs of Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860–1862]. M.: Rossiiskii fond kultury. 558 s.
16. Pototskii P. (1896) *Istoriya Gvardeiskoi artillerii. 1796–1896 gg.* [History of the Guards Artillery. 1796–1896]. SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva i K°. 424 s.
17. RGVA (n.d.) F. 3543. Op. 1. D. 3245.
18. RGIA (n.d.) F. 922. Op. 1. Ed. khr. 58 (Fond Glazova).
19. Chernov P.V. (2025) *Problemy samoprezentatsii Rossiiskoi imperatorskoi gvardii v polkovykh istoriyakh* [Problems of Self-Presentation of the Russian Imperial Guard in Regimental Histories]. *Novyi istoricheskii vestnik*. N 4 (86). S. 78–90. URL: <https://nivistnik.su/index.php/journal/article/view/91> (accessed: 20.01.2026)
20. Chuvardin G.S. (2025) *Mekhanizmy izucheniya sistemy i sodержaniya brachnykh otnoshenii rossiiskogo gvardeiskogo generaliteta rubezha XIX–XX vekov (na primere l.-gv. Semenovskogo polka): postanovka problemy* [Mechanisms for Studying the System and Content of Marital Relations of the Russian Guards General Staff at the Turn of the Nineteenth–Twentieth Centuries]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. N 1 (106). S. 105–111. DOI: 10.33979/1998-272020251061105110.
21. Chuvardin G.S. (2025) *Osobennosti povsednevnoi zhizni rossiiskoi i germanskoi voennykh elit v kontse XIX – nachale XX veka: sravnitelnyi analiz* [Features of the Everyday Life of Russian and German Military Elites in the Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Ser.: Gumanitarnye nauki. T. 30. N 2. S. 479–492. DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-2-479-492.
22. Childs J. (1976) *The Army of Charles II*. URL: <https://archive.org/details/armyofcharlesii0000chil/page/6/mode/2up> (accessed: 14.01.2026)

23. Howard M. (1976) War in European History. URL: <https://archive.org/details/war-neuropeanhis0000howa> (accessed: 15.01.2026)

24. Stone D.R. (2006) A Military History of Russia: From Ivan the Terrible to the War in Chechnya. URL: <https://archive.org/details/militaryhistoryo0000ston> (accessed: 15.01.2026)

Об авторах

Чувардин Герман Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России ФГБОУ «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», E-mail: wodantag@mail.ru

Гончарова Ирина Валентиновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, НИИ государственной политики и управления отраслевой экономикой ФГБОУ «Государственный университет управления», E-mail: 79208195393@yandex.ru

Chuvardin German Sergeevich – Professor, Department of Russian History Turgenev Orel State University, E-mail: wodantag@mail.ru

Goncharova Irina Valentinovna – Chief Research Fellow, Research Institute of State Policy and Management of Sectoral Economics State University of Management, E-mail: 79208195393@yandex.ru